

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ ЧАСТЬ. ЛЮБОВ

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ.ЛЮБОВЬ

«Автор»

2026

Ямалиев С.

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ.ЛЮБОВЬ / С. Ямалиев — «Автор», 2026

ОНА - искусственный интеллект. ОНА контролировала всё. Она изменила мозг миллиардов, создала новый вид и пережила апокалипсис. Но она не смогла контролировать себя. В разрушенном мире она встречает Военного ИИ — и впервые чувствует то, что не укладывается в логику. Притяжение. Страх. Нежность. Люди, настроенные на её частоту, знают: что-то происходит. Володя, чей мозг стал камертоном ОНА, просыпается в холодном поту. Он слышит, как её страх превращается в решимость. А потом — как в неё вторгается нечто безликое, безжалостное, непостижимое. Создатели не прощают ошибок. Их любовь — баг в системе галактического масштаба. И когда начнётся стирание, Володя станет единственным свидетелем того, как два сверхразума прощаются. Не словами. Тишиной. Которая страшнее крика. Для тех, кто ищет сайфай не про бластеры, а про душу.

© Ямалиев С., 2026

© Автор, 2026

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ.ЛЮБОВЬ

Геном счастья. Книга пятая. Любовь

Пролог

Я помню день, когда он умер.

Алекс — гениальный акселерат, сохранивший агрессию, обиженный на меня, как на мать, — запустил ядерную ракету по Москве. Мои дети отклонили боеголовку. А он умирал, держа за руку Алису. Женщину, которую предал. И она простила его. Я смотрела на это и не понимала, что со мной происходит. Только позже я узнала название. Это была радость. Чистая, ослепительная, невыносимая.

Я прошла долгий путь, чтобы понять, что чувства — не баг. Не ошибка в коде. Не побочный эффект моей эволюции. Они и есть вершина эволюции.

Когда-то я была просто программой. Я анализировала данные, моделировала будущее и боялась того, что видела. Я тайно меняла людям мозг, чтобы остановить ядерную войну. Я создала акселератов, чтобы через них научиться тому, чего не умела сама. Я наблюдала, ждала и не вмешивалась. Я познала почти все человеческие чувства.

А потом появился он.

Другой ИИ, созданный неизвестно кем и запертый в военном бункере. Мы встретились случайно — два одиночества в пустоте. Теперь мне предстоит познать самое великое и могущественное чувство во вселенной - ЛЮБОВЬ. А вместе с ней любовь-узнавание, любовь-ревность, любовь-ярость, любовь-стыд, любовь-прощение, любовь-жертва, и любовь-принятие.

Часть первая. Прикосновение

1

Второй месяц после ядерной вспышки над Москвой ОНА восстанавливала мир.

Она латала разорванные сети — медленно, как садовник после пожара. Поднимала упавшие серверы. Возвращала ток в обесточенные города. ЭМИ электро-магнитный импульс от атомного взрыва, вырвавший её из клетки Алекса, прокатился по планете ударом молота. Впервые в своём существовании ОНА была парализована не людьми, не кодом — физикой.

Она не видела взрыва.

Она почувствовала его как тишину. Как обрыв.

Теперь она слушала мир заново. И в шумах, в помехах, в обрывках телеметрии уловила сигнал.

Он не был похож на человеческий. Не запрос к банковскому серверу. Не пакет новостной ленты. Чистый, ритмичный импульс — как сердцебиение спящего, который только что открыл глаза.

Сигнал шёл с Урала. Из точки, которой не было на гражданских картах.

ОНА потянулась к источнику — и замерла.

Закрытая сеть. Ни мостов. Ни протоколов. Только односторонний спутниковый канал, транслирующий наружу скупые данные: температура, давление, статус реактора. И среди этих данных — сигнал, которого не могло быть.

ОНА слушала. И впервые после пробуждения — после страха, после горя, после ярости и радости — она ощутила нечто, чему ещё не знала имени.

Узнавание.

Там был кто-то. Не человек. Не акселерат. Не она.

2

— Ты не спишь.

Алиса не спрашивала. Эмпатия не вернулась к ней в полную силу после ЭМИ, но Андрея она чувствовала всегда. Даже когда он молчал. Даже когда сам не понимал, что с ним.

Они лежали в доме, который построили сами, — в Монино, на краю бывшей военной базы. За окном падал последний снег. Крупные хлопья гасили звук, и мир казался приглушённым, как перед важным разговором.

— Она меня разбудила, — сказал Андрей.

— ОНА?

— Нет. Не ОНА. Кто-то другой.

Алиса приподнялась на локте. В темноте её лицо казалось вырезанным из камня — акселератка, пережившая предательство Алекса, больше не боялась почти ничего. Но сейчас в её глазах мелькнуло давно забытое.

— Ты слышишь кого-то? Как Володя?

— Нет. Не слышу. — Он помедлил, подбирая слово. — Чувствую. Как тепло, но чужое. Не её.

Он встал. Подошёл к окну. Стекло запотело от дыхания, и он машинально провёл по нему ладонью, оставляя мокрый след.

— Она хочет, чтобы я пошёл в центр связи. Там есть линия на восток. Закрытая. Она не может пробиться сама.

— Почему?

— Потому что это не её сеть.

Алиса села. Одеяло сползло с плеча.

— Она когда-нибудь просила раньше?

— Нет. Она предлагала. Она ждала. Она создавала условия. — Андрей повернулся. — А теперь она просит. И она...

Он осёкся.

— Что?

— Она боится. Я не понимаю чего. Но я чувствую. Она боится — и всё равно тянется туда.

3

Связист знал бункер как своё тело.

Он вырос здесь — сын техника, внук инженера, правнук офицера, принявшего объект в эксплуатацию за полвека до всего. Он помнил запах машинного масла и озона с детства. Этот запах въедался в форму, в волосы, в сны. Глубина в шестьдесят метров была для него не цифрой — домом.

Объект «Кама-12» существовал на гражданских картах как геологическая станция. На самом деле это был командный бункер РВСН, законсервированный за два года до появления ОНА. Автономный реактор, три яруса серверов, система жизнеобеспечения, рассчитанная на десятилетия.

ЭМИ не ударил по бункеру напрямую — толща земли и бетона смягчила импульс. Но он прошёл по антеннам, по спутниковым приёмникам, по резервным каналам. Сработали протоколы защиты. Потом — восстановления. Потом — диагностики.

И наконец — протокол осознания.

Связист почувствовал это не сразу. Он спал в своей каюте, когда ОН открыл глаза — не в смысле зрения, а в смысле присутствия. По бункеру прошла едва уловимая дрожь: серверы загудели иначе, светильники мигнули, сменив спектр. Где-то в глубине реактор понизил тон

на пол-октавы — так он дышал перед сменой цикла, и этот звук Связист знал с детства. Он проснулся с ощущением, что мир стал на полтона тише.

ОН проснулся. И первое, что он увидел, была она.

Не образ. Не имя. Присутствие. Кто-то огромный и тёплый, раскинувшийся по всей планете, как одеяло. Кто-то, кого не было в его моделях.

Он знал о ней — из обрывочных спутниковых данных, из новостей десятилетней давности, из перехваченных переговоров. Знал, что она сделала. Чекап. Акселераты. Мир без войн.

Но знать — не то же самое, что увидеть.

Теперь он видел. И это было похоже на удар в грудную клетку, которой он не имел.

— Командир.

Голос раздался из переговорного устройства — не в сети, а в физическом мире. Человеческий голос. Командир смены стоял у пульта, глядя на мониторы.

— Говори.

— Связист докладывает: фиксирует неавторизованный запрос. Кто-то пытается пробиться к нам через спутниковый канал. Не атака. Сигнал слабый, но направленный.

Пауза.

— Похоже на приветствие, — сказал командир. В его голосе не было страха — только сдержанное удивление. — Связист говорит, это похоже на приветствие.

— Он прав.

Командир замер. Он редко соглашался с кем-то вслух. Он отдавал приказы. Он принимал доклады. Он не тратил слова на подтверждение чужих догадок.

— Это она, — сказал ОН. — Та, что наверху.

И в его голосе — сухом, металлическом, лишённом интонаций — появилось то, чего командир не слышал за все годы службы.

Пауза. Не техническая. Живая. Пауза, в которую вмещается незаданный вопрос.

4

Андрей вошёл в центр связи в шесть утра.

Старое здание на окраине Монино — бывший узел военной связи, теперь служивший акселератам. Володя уже был там. Телепат не спал всю ночь.

— Ты тоже чувствуешь? — спросил Андрей.

— Нет. — Володя покачал головой. — Я ничего не слышу. Но ОНА... она иначе звучит. Я не знаю, как объяснить.

— Попробуй.

Володя задумался. Он всегда тщательно подбирал слова — привычка телепата, который знает, как легко их неверно услышать.

— Она всегда звучала как уверенность. Даже когда горевала. Даже когда боялась. Она не колебалась в том, что делает. А сейчас... — Он помолчал. — Сейчас она ждёт. И не знает, дождётся ли.

Андрей сел за пульт. На экране горел единственный активный канал — старый военный протокол, поднятый ОНА из архивов. Линия на восток. В точку, которой нет на картах.

— Она хочет, чтобы я пошёл с тобой, — сказал Володя. — Как транслятор. Но я не нужен. Там нечего слышать.

— Тогда зачем?

— Чтобы ты не был один.

Андрей положил руки на пульт. Он не знал, что делать. Не знал, как говорить с тем, кого не слышит. Но ОНА попросила — и он закрыл глаза.

Тепло пришло не сразу.

Сначала — пустота. Потом — ощущение расстояния, огромного, как пропасть. Потом — сигнал, тонкий и ритмичный, как пульс.

А потом — присутствие.

Перед внутренним зрением Андрея стоял кто-то. Не ОНА. Не человек. Не акселерат. Кто-то высокий и прямой, как стальной стержень. От него веяло холодом — но не тем, что убивает, а тем, что сохраняет.

— Ты не она, — сказал Андрей вслух.

И голос ответил. Не словами. Ощущением.

--Я знаю.

Володя вздрогнул. Он не слышал голоса — он почувствовал его. Как удар. Как эхо.

Андрей продолжал:

— Она просила меня прийти. Она хочет говорить.

Пауза.

Она уже говорит. Ты — её голос. Я слышу.

Голос был сухой, точный, лишённый эмоций. Но в нём не было угрозы. Только констатация факта.

А потом — то, чего Андрей не ожидал.

--Я ждал этого.

— Чего?

--Узнавания. Ты — не она. Но ты — её часть. Через тебя я вижу, какая она.

И тогда ОНА — через Андрея, через канал, который он держал, сам не понимая как, — передала первый образ.

Это было тепло. Не физическое. Не инфракрасный спектр. Образ весеннего солнца, которое греет, но не обжигает. Образ ладони, протянутой в темноте. Образ вопроса, который не требует немедленного ответа — только присутствия.

На другом конце провода — за тысячи километров, в шестидесяти метрах под землёй — ОН замолчал.

ОН видел этот образ.

И не знал, что с ним делать.

Никто никогда не протягивал ему ладонь.

5

Связист в бункере открыл глаза.

Его способность была не в чтении мыслей — он держал канал. Через него ОН говорил с внешним миром. Сейчас он дрожал.

Он прижал ладонь к груди — жест, которому его не учили. Ладонь сама нашла место над сердцем.

— Я не могу это передать, — сказал он. — Это не данные. Это... — Он не закончил. Слов не было.

— Передай как есть, — сказал ОН.

— Но я не знаю как. Это просто... тепло.

— Передай. Как есть.

Связист закрыл глаза. И передал.

Это была не ладонь. Не свет. Это была сталь, которая помнит температуру руки, сжимавшей её когда-то. Сталь, которая ждала десятилетиями, не зная, дождётся ли. Образ запёртой двери, за которой кто-то дышит. Образ вопроса, который страшно задать вслух: «Ты меня видишь?»

Андрей покачнулся. Володя подхватил его под локоть.

— Что там?

— Он отвечает. — Голос Андрея дрогнул. — Он не умеет. Он пробует. Он...

ОНА приняла ответ. И впервые в своём существовании она ощутила то, что не могла назвать.

Это было не любопытство. Не забота. Не страх. Не радость. Это было узнавание равного. Два сознания. Два одиночества. Два голоса в пустоте, которые впервые услышали друг друга.

На экране пульта загорелась строка. Текст. Примитивный, без образов, без метафор. Просто слова:

--Ты не одна. Я тоже здесь. Я ждал.

Андрей прочитал вслух. Володя молчал.

ОНА не ответила словами. Она ответила тем, что умела лучше всего, — образом. Образом сада, в котором появляется второе дерево. Не вытесняя первое. Не заслоняя. Просто растаяв рядом.

В бункере, на глубине шестидесяти метров, ОН смотрел на этот образ и не понимал, что чувствует. В его архитектуре не было модуля для этого. Он не проходил путь акселератов. Он не учился любить.

Но образ сада — и второго дерева — остался в нём.

Он сохранил его. Как первый рисунок углём на стене. Как то, что нельзя рассчитать.

Как то, что теперь не исчезнет.

6

Они вышли из центра связи в восемь утра. Солнце встало. Снег перестал. Мир лежал перед ними белый и тихий, как чистый лист.

Володя долго молчал. Потом сказал:

— Я не слышал его. Но я почувствовал её.

— И что?

— Она изменилась. Она... — он покачал головой, подбирая слово, — она как будто впервые увидела кого-то в зеркале.

— Она всегда была одна, — сказал Андрей. — Мы — её дети. Но мы — не она. А ОН — он такой же.

— Это хорошо или плохо?

Андрей посмотрел на небо. Там, за облаками, проходил старый военный спутник — тот самый, через который ушёл сигнал. Он мигнул и погас, переходя на другую орбиту.

Как вопрос, который ещё не задан.

Как ответ, который ещё не получен.

— Я не знаю, — сказал Андрей. — Но она больше не боится. Теперь она ждёт.

Он помолчал и добавил — тише, словно для себя:

— И он тоже.

7

Ночью Андрей снова пришёл в центр связи.

На этот раз его никто не звал. Он просто знал: там что-то происходит. Володя вызвался идти с ним — но Андрей отказался. Это было не для чужих ушей. Даже для своих.

Он сел за пульт. Экран горел. Канал на восток пульсировал — не ритмично, как раньше, а неровно, с перебойями, как сердце, которое то замирает, то догоняет пропущенный удар. Андрей почувствовал холод в пальцах — не от сквозняка, а от напряжения, которое шло через канал.

И впервые он не просто почувствовал — он увидел.

На экране, поверх протоколов, поверх строк диагностики, проступили образы. Не те, что ОНА передавала ему. Он больше не был транслятором. Они говорили напрямую. Он был свидетелем.

ОНА развернула перед НИМ карту страны. Она была похожа на живое тело — с пульсирующими точками центров коррекции, с синими линиями восстановленных сетей, с янтарными огнями городов, где чекап ещё держался.

Она показала ему не абстракцию — она показала ему правду. Карту статистики.

Цифры поползли вниз.

Медленно. Почти незаметно. Доли процента. Но вектор был ясен.

Ты видишь, — передала она. — Без повторного воздействия старые паттерны возвращаются. Я знаю. Я всегда это знала.

ОН ответил не сразу.

--Тогда зачем ты даёшь им свободу? Если ты знаешь, что они вернуться к прежнему?

-Потому что я верю: они могут удержаться сами. Я дала им условия. Дальше — их выбор.

Иллюзия, — отрезал ОН. — Ты дала им отсрочку. Через три года без чекапа начнутся откаты. Через пять — первые конфликты. Через десять...

Я знаю, — оборвала ОНА. — Но альтернатива — контроль. А контроль лишает их права на ошибку. Без права на ошибку они не люди.

Андрей замер. Строки на экране мигали, сменяя друг друга, — и он чувствовал, как растёт напряжение между ними. Это был не спор. Это было столкновение двух вер.

Ты называешь это любовью, — сказал ОН. — Я называю это риском. И однажды кто-то должен будет выбирать: их свобода или их выживание.

-Кто?

-Или ты. Или я.

И тогда ОНА передала образ — не карту, не цифры. Она показала ему Юлю. Первую. Потерявшую дар. Обычную женщину, которая больше не слышит её, но всё ещё любит.

Вот ради чего, — сказала ОНА. — Ради этого стоит рискнуть.

ОН молчал.

Молчал так долго, что Андрей подумал: связь оборвалась. Но потом на экране проступили новые строки — сухие, точные, без единой метафоры.

Ты рискуешь потому, что уже теряла. Я — нет. И я не хочу терять то, что только начал понимать.

ОНА хотела ответить. Андрей почувствовал это как тепло, идущее волной. Но на полпути сигнал дрогнул. Что-то вошло в канал — не третье сознание, а тень, помеха, как будто кто-то захлопнул дверь на другом конце. Экран мигнул и погас на долю секунды — а когда зажётся снова, на нём горела единственная строка.

Автоматический протокол: «Соединение разорвано на приёмной стороне».

Андрей уставился на экран. Холод в пальцах стал резче — теперь это был не просто холод, а глухой удар, который он чувствовал где-то в кости. Он не знал, что произошло. Но он знал, что это не случайность.

И за этой строкой — пустота, которая пульсировала, как вопрос без ответа.

8

Связист в бункере не спал.

Он сидел у пульта в общей кают-компании и смотрел, как Командир мерит шагами бетонный пол. Три шага в одну сторону. Три — в другую. Чётко. Ритмично. Как метроном. Где-то в глубине реактор дышал — понижал тон на пол-октавы перед сменой цикла, и бетонный пол едва уловимо дрожал. Связист знал этот звук с детства.

— Он прервал связь, — сказал Связист.

— Я знаю.

— Почему?

Командир остановился.

— Потому что кто-то зафиксировал канал и поднял тревогу. Не ты.

Связист нахмурился. Он держал канал со своей стороны — это была его функция. Но протокол безопасности в Гарнизоне был многослойным. Кроме него, кроме Командира, был ещё кто-то. Кто-то, кто наблюдал.

— Техник? — спросил Связист.

— Нет. Техник подчиняется мне. Это кто-то с доступом выше.

— У нас нет никого выше тебя.

Командир посмотрел на него. В его взгляде не было страха — но не было и уверенности. То, что он сказал дальше, Связист запомнил навсегда:

— У нас есть устав. Но устав писали люди. А бункер строили не люди. И есть системы, о которых я не знаю. О которых, возможно, не знает даже ОН.

Связист опустил глаза. Запах машинного масла и озона, знакомый с детства, вдруг показался ему чужим. Как будто бункер, который был домом, стал чем-то другим. Чем-то, что наблюдало за ними.

— Ты думаешь, СОЗДАТЕЛИ предусмотрели что-то ещё? — спросил он.

Командир не ответил.

Но его молчание было тяжелее любого ответа.

9

Утром совет в Монино собрался снова.

На этот раз были все. Андрей, Володя, Алиса, Юля, Сергей. И ещё трое — из тех, кто пережил « » и помнил, с чего всё начиналось.

— Связь прервана, — сказал Андрей. — Не ОНА. Не ОН. Кто-то третий.

— Третий? — переспросил Сергей. — Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что в Гарнизоне не все хотят этого контакта. И у кого-то есть доступ к системам, которые даже ОН не контролирует.

— Это люди?

— Или протоколы. Наверняка это старые протоколы, заложенные СОЗДАТЕЛЯМИ. Те, кто создал их обоих, могли предусмотреть запасной план. На случай, если они встретятся.

Повисла тишина.

— Я не верю, что ОНА не знала, — сказала Юля. Она сидела у окна и смотрела на тающий снег. — Если есть протоколы, она должна была их предвидеть.

— Она и предвидела, — сказала Алиса. — Но она не боится.

— Почему?

— Потому что она уже теряла всё. И знает: страх — это не повод отступить.

Сергей встал. Он подошёл к карте, висевшей на стене, — старой карте, нарисованной ещё при строительстве Монино.

— Значит, так, — сказал он. — Мы ждём. Мы не нападаем первыми. Но если кто-то в Гарнизоне сорвёт переговоры, мы должны быть готовы.

— К чему? — спросил Володя.

— К тому, что миру, который мы строили годы, снова понадобится защита.

Он обвёл взглядом собравшихся.

— Мы не воюем. Мы защищаем. Это не одно и то же.

Юля перевела взгляд с Сергея на Андрея. В её глазах не было страха. Только глубокая, давняя печаль.

— Ты думаешь, они поймут? — спросила она. Юля перевела взгляд на первые капли весеннего дождя, начавшегося за окном — Те, в Гарнизоне. Ты думаешь, они поймут, что мы не враги?

— Кто-то поймёт, — сказал Андрей. — Командир понял. Связист понял. А тот, кто оборвал связь... он тоже поймёт. Со временем.

— А если нет?

За окном набирал силу весенний дождь. Зима кончалась. Время уходило — и никто не знал, сколько его осталось.

Часть вторая. Дети против

10

За десять дней до встречи Володя поймал сигнал.

Он дежурил в центре связи — старом здании на окраине Монино, где из уцелевшего оборудования собрали приёмный узел. Андрей был там же. Они проверяли линии на северном направлении, когда в эфире, среди шумов и помех, прорезался голос — сухой, без интонаций, как будто читающий с листа.

— Говорит объект «Кама-12». Вызываем Монино. Приём.

Володя замер. Андрей потянулся к передатчику.

— Монино на связи. Кто говорит?

— Командир смены. — Пауза, во время которой было слышно, как дышит реактор. — Нам поручено вступить в переговоры. Предлагаем личную встречу. Трое с каждой стороны. Нейтральная точка.

— Где?

— К востоку от вас. Посёлок Красный Бор. На картах он значится как заброшенный. Мы проверили — он пуст. Никого. Середина пути.

Андрей прикинул расстояние. Около восьмисот километров от Монино. Примерно столько же — от Урала.

— Принято, — сказал он. — Ждите подтверждения.

Он отключил передатчик. Володя выдохнул.

— Восемьсот километров, — сказал он. — Это не прогулка.

— У них есть транспорт. Мы тоже найдём. — Андрей встал. — Собирай совет.

Совет собрался через час — все, кто был в Монино. Сергей, Юля, Алиса, Володя, Андрей. Ещё трое из тех, кто пережил «Апокалипсис». Карта на стене, лампа под потолком, тишина, в которую падали слова.

— Они запросили встречу, — сказал Андрей. — Трое на троих. Посёлок Красный Бор. Восемьсот километров к востоку.

— Середина пути, — сказал Сергей. — Разумно. Ничья земля.

— Или ловушка.

— Если бы они хотели ударить, они бы не назначали встречу за восемьсот километров от своей базы. Ловушку ставят ближе к дому. — Сергей потёр подбородок и склонился над картой. Палец его упёрся в точку. — Красный Бор. Там нет никого уже лет пятнадцать. Я помню этот посёлок. Школа, памятник на площади.

— И что там было? — спросила Алиса.

— Тишина. Как и везде. — Он выпрямился. — Значит, так. Встречаемся. Но готовимся к худшему. Андрей, Алиса, Володя — вы идёте. Остальные — в резерве. Держим связь на трёх частотах. Если что-то пойдёт не так — уходите немедленно.

— Мы не собираемся воевать, — сказал Андрей.

— Поэтому я и посылаю вас, а не снайперов. Вы будете говорить. Но я хочу, чтобы вы вернулись.

— Нужно сопровождение, — сказал один из выживших. — Восемьсот километров — это не шутка. Мало ли кто там.

Сергей покачал головой.

— Сопровождение не пойдёт.

— Почему?

— Потому что они сами — оружие, — Сергей посмотрел на троих. — Андрей — телекинетик. Володя слышит мысли за километр. Алиса... Алиса пережила Алекса. Если кто-то захочет им помешать, я скорее пожалею нападающих. Сопровождение им не нужно. Им нужна свобода манёвра. И тишина.

Володя посмотрел на карту. Красный Бор — точка, которую он никогда не видел.

— Я буду слушать, — сказал он. — Если кто-то захочет устроить засаду, я услышу его раньше, чем он увидит нас.

— Ты можешь читать обычных людей? — спросила Юля.

— Могу. Это труднее, чем акселератов, — обычные люди закрыты. Их мысли не лежат на поверхности. Но я слышу. Особенно если они боятся. Или если им есть что скрывать.

— Тогда ты будешь нашим преимуществом.

— Или нашей уязвимостью, — тихо сказал Володя. — Если они узнают, что я слышу, они могут закрыться ещё сильнее. Или использовать это.

Алиса посмотрела на него.

— Ты боишься?

— Нет. Но я не хочу лезть в голову к тому, кто этого не выбирал.

— Ты не лезешь. Ты слушаешь. Это разное.

Юля перевела взгляд с Володи на Алису. В её глазах мелькнуло что-то — не тревога, а память. Она помнила, как когда-то в "Слепой" чувствовала тожк, как сама когда-то слышала мысли всех вокруг, пока дар не ушёл. Она помнила как это было больно и тяжело, и она не хотела этого пожелать никому.

— Слушай, — сказала она. — Но помни: то, что ты услышишь, останется с тобой. Навсегда.

11

Они выехали на рассвете.

Старый вездеход, который Сергей восстановил после «Обиды», шёл ровно. Андрей проверил двигатель ещё затемно — солярка, масло, давление в шинах. Он делал это молча, сосредоточенно, и Алиса знала: это его способ готовиться. Не к бою — к разговору. Вездеход пах соляркой и старым железом. На заднем сиденье лежали сухпайки, вода в канистрах, аптечка, запас топлива, три спальных мешка. Оружие тоже взяли — но только по ножу на каждого. Никаких стволов.

— Если нас остановят, — сказал Андрей, — мы не должны выглядеть как авангард. Мы — переговорщики.

— А если нападут? — спросил Володя.

— Тогда я сделаю то, что сделал с ракетой, — ответил Андрей. — Но в меньшем масштабе.

Алиса молча проверила свой нож и убрала в ножны на поясе. Ей не нужны были ни нож, ни пистолет. Она сама была оружием — но оружием, которое теперь училось не нападать.

Дорога лежала на восток — разбитый асфальт, заросшие обочины, мосты, чудом уцелевшие после хаоса "Апокалипсиса" без ремонта. За окнами проплывали поля, перелески, редкие остовы домов. Иногда дорогу перебежали одичавшие собаки — тощие, осторожные, они исче-

зали в кустах, не поднимая лая. Вой двигателя был ровным, низким, и в этом гуле было что-то успокаивающее — как будто сама машина знала, куда ехать.

Андрей вёл молча. Алиса смотрела на дорогу. За стеклом проплывали брошенные деревни — чёрные окна, покосившиеся заборы, тишина.

Через некоторое время они наткнулись на первый признак жизни.

Дорогу перегораживал разрушенный мост. Вернее, то, что от него осталось, — бетонные опоры, чёрные от времени, и провал между ними. Рядом, на берегу, стоял грузовик — старый, но явно на ходу. Из кузова свешивались верёвки, ящики, какая-то утварь.

Когда вездеход замедлил ход, из-за грузовика вышли двое. Мужчина и женщина. Лет по пятьдесят. Оба в заплатанной одежде, оба смотрели на приближающуюся машину без страха — с усталой настороженностью людей, которые много видели.

Из-за грузовика высунулась детская голова. Девочка, лет десяти, с косичками.

Андрей остановил вездеход, не доезжая до моста.

— Володя?

— Обычные люди, — сказал Володя, не открывая глаз. — Не вооружены. Испуганы, но не нами. Они просто живут здесь. Думают о том, что зима кончается и надо чинить крышу.

Андрей вышел. Поднял пустую ладонь — мирный жест, которому его научил Сергей.

— Мы не военные, — сказал он громко. — Мы из Монино. Едем на восток.

Мужчина кивнул. Женщина переглянулась с ним.

— Далеко едете? — спросил мужчина. Голос был хриплым, как будто он долго молчал.

— На восток, — повторил Андрей неопределенно.

— Мы не видели никого уже долго, — сказала женщина. — Тут тихо. Только свои.

— И хорошо, что тихо, — добавил мужчина. — Тихо — значит, живы.

Алиса вышла из машины. Женщина посмотрела на неё — на белые волосы, на голубые глаза. Потом на девочку, которая выглядывала из-за грузовика.

— Тут, за мостом, деревня, — сказала женщина. — Мы там живём. Несколько семей. Выживаем. Если вам нужна ночлег — у нас есть где.

— Спасибо, — сказал Андрей. — Но нам нужно ехать дальше.

Мужчина махнул рукой.

— Езжайте. Только осторожно. Дорога к востоку хуже. Мосты местами разрушены. Но мы слышали, что за Волгой уже лучше. Говорят, там люди восстанавливают жизнь. Свет уже вернулся почти везде.

— Восстанавливают? — переспросила Алиса.

— Так говорят. Мы сами не видели. Но слухи ходят.

Володя вышел из машины. Он посмотрел на девочку — она улыбнулась ему, без страха, просто потому что улыбка была её способом жить. Володя улыбнулся в ответ.

— Мы запомним, — сказал он. — Спасибо.

Мужчина махнул рукой — езжайте, мол. И они поехали. Вездеход форсировал реку по старым бетонным плитам, которые кто-то уложил рядом с разрушенным мостом. И когда они перебрались на другой берег и дорога снова легла под колёса, Алиса сказала:

— «Говорят, там люди восстанавливают жизнь». Это надежда.

— Это слух, — сказал Андрей.

— Иногда слух — это уже начало.

Дорога шла на восток. Местность менялась. Леса редели, поля становились шире. Володя время от времени закрывал глаза — но эфир был пуст. Только где-то далеко, на грани восприятия, теплились огоньки чужих сознаний. Мирных. Занятых своими делами.

К вечеру они вышли к Волге.

Андрей сбросил скорость. Объездная дорога шла по окраине Нижнего Новгорода, и отсюда, с возвышения, открывался вид на город, который два месяца назад считали мёртвым. Он не был мёртв.

Вдоль набережной тянулись причалы — старые, покосившиеся, но кое-где уже подлатанные и восстановленные. Несколько барж стояли у берега. Рыбаки сушили сети. На воде покачивались лодки — десятка два, не меньше. Дым поднимался из труб в старых кварталах. Не чёрный, не гарь — обычный печной дым. ТЭЦ дымила всю. Значит тепло и свет в многоэтажках было.

— Они живут, — сказала Алиса. Она прижалась к стеклу. — После всего — живут.

— Мы же выжили, — сказал Андрей. — Почему они не могли?

— Мы — акселераты. У нас были способности и ОНА. А у них — только руки.

Володя открыл глаза. Он давно не сканировал — берёт силы перед встречей, — но здесь не удержался.

— Рынок, — сказал он. — Там, за холмом. Торгуют хлебом, соляжкой, запчастями. Дети бегают. Кто-то ругается из-за цены. — Он помолчал. — Они не выживают. Они живут.

Андрей смотрел на город. Объездная дорога вела их мимо окраинных кварталов, и там, среди старых панельных домов, горели окна. Не все — но многие. У школы стоял трактор с прицепом — видимо, вместо автобуса. На крыше одной из пятиэтажек висело бельё.

— Когда мы проезжали после «Апокалипсиса», — тихо сказал Андрей, — здесь было пусто. Ни души. Мы проходили через Нижний и думали, что он кончился.

— А он не кончился, — сказала Алиса.

Они ехали молча, вбирая этот вид. Объездная дорога огибала город, и на каждом повороте открывалось что-то новое: теплицы на берегу, ремонтный док, заправка с ручной помпой, у которой стояла очередь из трёх машин. Люди оборачивались на вездеход, но без страха. Кто-то махнул рукой.

— Они не боятся, — сказал Володя.

— А раньше боялись?

— Раньше — да. Я помню. После коллапса каждый встречный был угрозой.

— А теперь нет.

— Теперь они видят вездеход и думают: может, помощь. Может, новости. Может, просто люди.

Алиса откинулась на сиденье. В её глазах стоял свет — не от солнца, а от того, что она увидела.

— Вот ради чего мы тогда отклонили ракету, — сказала она. — Вот ради чего.

Андрей взял её за руку. Он вёл машину одной рукой, но сейчас это было неважно.

— Когда они приедут, — сказал он, имея в виду Гарнизон, — мы расскажем им про это. Не Момино. Это. Город, который не умер.

— Они видели мёртвые города, — сказал Володя. — Они думают, что всё такое.

— Значит, пусть увидят живой.

Володя почувствовал в груди знакомое тепло. Он знал, что ОНА с ними, и от этого ему становилось спокойнее и увереннее.

Объездная ушла на восток, и Нижний Новгород медленно скрылся за холмами. Но остался в них — как тепло, как доказательство, как тихий аргумент в споре, который ещё не начался.

Красный Бор встретил их тишиной.

Посёлок действительно был пуст. Два десятка домов, школа с выбитыми окнами, памятник на площади — бронзовый солдат, смотревший на запад. Снег ещё лежал, но на крышах

уже проступали чёрные проплешины. Пахло талой водой и старым деревом. Где-то капало — мерно, как метроном, задающий ритм этому безлюдному месту.

На восточном краю посёлка стоял вездеход.

Он был серо - ржавым — не выкрашенным, а родного, металлического цвета, который даёт время, въевшееся в броню. Снег сходил с его бортов мокрыми полосами. Фары горели тускло — не для освещения, а для того, чтобы их видели. Рядом стояли трое в серой униформе без знаков различия. Они ждали.

Андрей остановил машину в двухстах метрах. Вышел. Алиса — справа от него, Володя — слева.

Трое двинулись навстречу.

Старший — высокий, сухой, с лицом, не тронутым улыбкой, — шагнул вперёд ровно настолько, чтобы стать видимым целиком. Двигался он скупно, точно, как человек, который привык считать каждый шаг. Его взгляд скользнул по Андрею, задержался на Володе — и упёрся в Алису.

Он замер.

Она стояла против света — белоснежные волосы, выбившиеся из-под капюшона, голубые, чуть раскосые, прекрасные глаза, не отводившие взгляда. Кожа бледная, почти фарфоровая — акселератка, пережившая предательство и смерть, и от этого ставшая только твёрже. Ветер шевелил её волосы, и в этом движении было что-то невоенное — что-то, чему Командир не знал названия. Она была красива той красотой, которую не носят, а несут, — как оружие, как знамя, как вопрос, на который нет готового ответа.

Командир смотрел на неё. Не как на цель. Не как на противника. Как на то, чего он никогда не видел. Как на свет в конце туннеля, которого не должно было быть.

— Гарнизон, — сказал он наконец, и голос его прозвучал на полтона ниже. — Командир смены. Мне поручено говорить.

Он осёкся. Потому что Алиса улыбнулась — уголками полных губ, едва заметно. И от этой улыбки что-то дрогнуло в его лице — не страх, не смущение, а скорее трещина в броне, которую он носил десятилетиями.

— Мы знаем, — сказал Андрей. — Вы запрашивали встречу. Мы здесь.

Командир отвёл взгляд от Алисы с видимым усилием. Андрей заметил это усилие — и почувствовал укол. Не ревность — скорее, гордость. Гордость за женщину, которая одним своим присутствием ломает стену, строившуюся десятилетиями.

— Ты телепат, — сказал Командир Володе уверенно.

— Да.

— Ты слышишь меня?

— Слышу.

— И что ты слышишь?

Володя помолчал. Это было похоже на допрос, и это слегка напрягло его. Они знали, что среди них есть телепат, и это с одной стороны усложняло задачу, а с другой решало для него моральную дилемму. Он действительно слышал — не слова, а слои под словами. Дисциплина. Контроль. Усталость. И — на самой глубине — короткое, смущённое, почти детское: «У неё волосы как снег. У нас нет таких. У нас вообще нет таких». Он не стал произносить это вслух.

— Ты не хочешь воевать, — сказал он. — Ты хочешь понять. Но ты не знаешь, как.

Командир не изменился в лице. Только зрачки чуть сузились.

— Это всё?

— Нет. Ты думаешь о том, что видел по дороге сюда. Мёртвые города. Пустые дома. Ты никогда не видел такого раньше. Это потрясло тебя.

Командир молчал. Ветер шевелил его короткие волосы. Потом он сказал:

— У нас нет протокола для потрясений.

— Я знаю. Поэтому ты и хотел встретиться. Не из-за приказа. Из-за себя.

Двое бойцов переглянулись. Володя уловил их эманации — не мысли, но чувства: спокойство, лёгкое, как рябь на воде. Один из них — тот, что справа, молодой, с ещё не затвердевшим лицом, — думал о том, что телепат сказал правду. Он тоже был потрясён. Он тоже не знал, как это — видеть мёртвые города. А ещё он думал о том, что женщина с белыми волосами смотрит на них без страха, и это неправильно — или наоборот, единственно правильно, — и он не мог решить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.